

Святитель Филарет Московский (Дроздов)

ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ О ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ И ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ВЕРНОПОДДАННЫХ

Мысли, извлеченные из проповедей

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

«Се, Царь ваш (Ин. 19, 14) ... хотите ли... Царя» (Ин. 18, 39, 40), — некогда спросил Пилат. Закричали все: «Не Его, но Варавву» (Ин. 18, 40). И: «вы от Святого и Праведного отреклись и просили даровать вам человекоубийцу» (Деян. 3,14) — под предлогом национально-освободительного движения. А христианам не следует забывать о том, что любой такой Варавва избирается всегда вместо Христа и что вопрос Пилата: «Кого из двух хотите?» (Мф. 27, 21) пророчески указывает на историческую подготовку всего мира к окончательному выбору между Христом Господним и антихристом.

Рассмотрим существующие формы власти:

1) Диктатура (военная, коммунистическая, фашистская) — неограниченная власть группы людей, возглавляемых лидером (силой). Может употребляться как временная мера. Противоположна демократии.

2) Республика — образуется выборный орган, который избирает президента на время. Декларируется свобода вероисповедания (сатанизм и христианство имеют равные права).

3) Демократия (демос — народ, кратос — власть, держава) — признание права народа принимать участие в государственных делах. Избираются представители, которые правят, согласуясь с волей данного народа.

4) Монархия конституционная — власть единоначалия (монарха) контролируется парламентом. Англия, Швеция, Дания.

5) Монархия языческая — неограниченная власть самодержца, правящего на основе закона. Рим — древний, Таиланд — современный.

6) Монархия теократическая — правит глава религиозной жизни. Азия, Африка.

Каждая форма власти по-своему удовлетворяет нуждам общества: создает условия для жизни, для деятельности, развивающей природные способности человека, его интеллект, определяет нравственное, моральное состояние общества. Те формы власти, где отсутствует религиозное основание, отменяют принципы целомудрия, честности, чести, самопожертвования, развивают и воспитывают эгоизм, корысть, славолюбие и властолюбие. Сие есть земное устройство. Определения подобных форм власти с легкостью находим в современных словарях и энциклопедиях. Но с трудом отыщется определение той формы правления, при которой жизнь общества и каждого отдельного человека складывается наидостойнейшим образом, т. е. на принципах самоотвержения, самоотдачи, милосердия. Православная самодержавная власть — монархия (византийско-святоорусская) и есть та самая наилучшая форма власти. Самодержец, помазанием от Духа Святого, правит страной согласно богоустановленным, а не зыбким и всегда прихотливым человеческим законам.

В период, предшествовавший воплощению Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа, благодаря военным заслугам Александра Великого повсеместно устанавливается власть Римской империи (языческая монархия). Рим в это время славится достижениями в области права, искусства, образования.

После пришествия Иисуса Христа последователи Его, христиане, испытывая гонение со стороны римской власти, скрываются в катакомбах, идут на мученичество. Этим они свидетельствуют свою веру в будущее Царство Небесное, т. е. предпочтение небесного земному, и благодаря этому они удостоиваются величайшего дара от Бога — православного царя. Обращается первый римский император — св. равноапостольный Константин, и Миланским эдиктом прекращаются гонения на христиан, им даруются

законные права. Через помазанного Духом императора — царя им открывается дорога от земного (теперь православного) царства в Небесное.

Византия достигает высочайшего уровня морали. Византийская культура до сих пор остается недостижимым образцом. В этот период истории находим бесчисленные примеры самопожертвования и милосердия, святость наблюдается во всех слоях общества, расцветает монашество. Это время славится также изобилием святых мощей и чудотворных исцелений. Все это плоды устройства Божия.

Святой Филарет Московский пишет: «Бога бойтесь, царя чтите» (1 Петр. 2,17). Две эти заповеди соединены для нас, как два ока на лице истины и правды. Не разрозните их: не обезобразьте лица истины, не повредите одного из очей ее!

«Отойди от Меня, сатана! Ты Мне соблазн: потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Мф. 16, 23), — сказал Господь Петру. От Господа подаются царю власть, сила, мужество и мудрость.

Отсюда следует, что установленные людьми формы власти Богу не угодны. Когда говорят, что «всякая власть от Бога», необходимо вспомнить и осмыслить следующее.

Св. ап. Павел пишет: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо несть власти не от Бога, — существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13, 1); «Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро» (Рим. 13,4). Но он же, св. ап. Павел, постоянно противился тем властям, которые не были Божиими слугами и шли против его христианской совести и церковных интересов, т. е. против Христа, Которому он служил и Которого исповедовал. Вот его слова первосвященнику Анании: «Бог будет бить тебя, стена подбеленная! Ты сидишь, чтобы судить по закону, и вопреки закону велишь бить меня» (Деян. 23,3). Когда власти предрержащие запрещали ему и другим апостолам учить о Спасителе, в ответ, им было сказано: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 5,29). Из этого мы видим, что властью от Бога христиане считают только ту власть, которая справедливо и разумно исполняет закон и не противится христианской совести, основывающейся на заповеди Спасителя.

Св. первомученик Стефан обличал синедрион: «Жестоковольные!.. Люди с необрезанным сердцем и ушами, вы всегда противились Духу Святому, как отцы ваши, так и вы. Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника, Которого предателями и убийцами сделались ныне вы — вы, которые приняли закон при служении ангелов и не сохранили». А Сам Спаситель назвал их сборищем сатанинским: «Вы есть сыны отца вашего диавола».

«Наша брань не против плоти и крови, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего» (Еф. 6, 12). Мироправители тьмы века сего — это правящие по человеческим принципам, а не по закону Божию. Тем более брань наша против тех, которые правят по принципам противления Богу и отрицания Его власти. Всякое послушание и покорность властям, которые правят не по Богу, есть подготовка нашей души к приходу антихриста и непротивление ему, вольное или невольное. Это ложные и небогоугодные послушание и покорность, которые ведут в погибель.

Св. ап. Павел говорит о послушании властям: «...надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести» (Рим. 13, 5). Возможно ли повиноваться по совести той власти, которая противится Богу? Пятнадцатый канон Двукратного собора гласит: «...отделяющиеся от общения с предстоятелем, ради некия ереси, осужденная святыми Соборами или отцами, когда... он проповедует ересь всенародно и учит оной открыто в Церкви, таковые, аще и оградят себя от общения с глаголемым епископом прежде Соборного рассмотрения, не токмо не подлежат положенной правилами епитимий, но и достойны чести, подобающей православным». Тем более это справедливо по отношению к мирской богоборческой власти.

Наиболее активная структура богоборческой власти — масонство, которое берет свое начало от фарисеев, не признавших в Иисусе Сына Божия, потребовавших Его смерти и давших деньги воинам, дабы те распространяли ложь, будто ученики унесли тело Спасителя и Он не воскрес. С тех пор началась мировая история политических игр и войн, направленных на уничтожение христианства вообще, а если это не удастся, то хотя бы на ослабление авторитета Спасителя как Царя Неба и земли, а если и это не удастся — на внедрение псевдохристианства, прямо противоположного истинному.

Эта борьба с христианством, от первого до второго пришествия Господня, неизбежна. Ведь после ниспадения Денницы с неба вкупе с последовавшими за ним ангелами число этих ангелов ко второму пришествию Господа Иисуса Христа на землю во всей Его славе (пр. Симеон Нов. Богослов) должно восполниться. Именно это обстоятельство вызывает бешенство ниспадного во тьму и не могущего покаяться Денницы с его слугами. От него и берет свое начало движение богоборчества.

Спаситель, взявший на Себя грехи человечества, освободивший человечество от проклятия, даст и благодать Духа Своего всем, кто, избрав Господа, пойдет показанным Им путем. Все соблюдавшие заповеди, через них очистившиеся, принявшие благодать от Господа, восполняют число отпавших ангелов, что необходимо для пришествия Господа во славе. Потому каждая душа, возлюбившая Господа всем сердцем, приближает все человечество ко второму пришествию.

Великие чудеса Божией благодати сопутствовали тоща св. мученикам, и, несмотря на многие и лютые мучения, число христиан пополнялось. Язычники, видя чудеса, теряли веру в материальные опоры жизни, в идолов и обретали веру в Того, Кто Сам есть Истина и Жизнь, и жизнь истинная. Земную жизнь мученики ставили ни во что, как и политическую мирскую власть. Все силы их души, вся любовь и разум соединялись с Солнцем Правды — Христом, и мучения для них были ничто. Господь же так укреплял возлюбивших Его, что они шли на мучения в великом ликовании, зная, что, войдя в число небесное, встретятся с Христом — Источником Света и нетленной жизни.

Св. равноапостольный царь Константин Великий, первый уверовавший во Христа римский император, увидел на солнце крестное знамение с надписью «Сим победиши». Господь Сам явился ему и сказал, как должно выглядеть его боевое знамя. И св. Константин действительно победил при малочисленном войске. С этих пор испытанная и утвержденная кровию мучеников Церковь Христова обретает покровителя в лице царя. Православный царь соединяет с Церковью свои молитвы о спасении всех христиан его царства и всех православных христиан вообще. С тех пор Церковь с великим благоговением совершала таинство помазания на царство, где каждая регалия вручается с молитвой и даются заповеди, как править богоугодным образом. Ответно и царь молится и дает обещание Богу исполнить Его святую волю по отношению к Его народу. Перед этим он миропомазуется и вводится в алтарь для венчания на царство (венчание, брак, постриг, хиротония). Он становится священным лицом, причащаясь в алтаре; он становится духоносным вождем и отцом своего народа и попечителем Церкви, давая ответ Богу за каждый свой шаг по спасению своего народа. Таким образом, царь является охранителем пути восхождения от царства земного к Царству Небесному для всех верных. Потому православные цари всегда были объектами вражды и неприязни со стороны любой другой, не посвященной Богу власти, т. к. не руководимые Богом власти легко становятся руководимыми богопротивником, враждующим на Бога, и чаще всего через страсти корысти, властолюбия и самомнения, а также невежества. Известно, что десятки византийских, русских и прочих помазанников мученически кончали свои дни: были задушены, утоплены, обезглавлены и другими зверскими путями убиты. Претерпевали они эти страдания и клевету за то, что были помазанниками, подобно Господу своему Иисусу Христу — Помазаннику Всевышняго.

В VI в. Церковью была выработана форма анафемы, поражающей домогавшихся незаконно царского сана; в XI—XIV вв., в византийский период, анафеме предавались дерзнувшие на бунт против помазанников; позднее в России — изменники и самозванцы, совратители народа. Текст анафемы (II в чине торжества православия): «Помышляющим, яко православныя гсудари возводятся на престолы не по особливому о них Божию благоволению, и при помазании дарования Святаго Духа к прохождению великого сего звания в них не изливаются, а тако дерзающим противу их на бунт и измену, анафема, трижды» (43, 30—31). А выше, по тексту доследования в Неделю православия, говорится: «Сия вера апостольская, сия вера отеческая, сия вера православная, сия вера вселенную утверди» (43, 25).

В завещании Александра III Николаю II, последнему истинному помазаннику, царственный отец писал: «Помни, у России нет друзей», — говоря о России как о православной державе.

Византийская культура, ее внутренняя и внешняя красота расцвела пышным цветом благодаря тому, что православные цари, сохранявшие св. престол, всемерно с

великою любовью и ревностью способствовали этому расцвету. И как Господь и Царь наш, Сын Божий, был распят в результате заговора фарисеев, так была распята и Византия, Божиим промыслом и милостию передав России благодать и правила постановления православных царей и помазанников. Россия, воспринявшая это духовное наследство, стала святой Русью.

Много было чудных, вдохновляющих примеров для простых христиан со стороны искренне благочестивых царей и князей. Подвиг повсеместного просвещения Руси явил нам св. вел. кн. Владимир по подобию св. равноап. Константина и св. царя Иустиниана. Подвиг мучеников и исповедников явили князья Борис и Глеб. Подвиг благотворительности и устройства — Иоанн III, Павел I, Николай I и Александр III, стяжавший имя Миротворца. Величайший пример кротости, веры в Божий промысл, всепрощения и милосердия явили нам св. царь-мученик Николай II, его супруга и дети.

Но были среди поставленных на царство и те, кто, приняв таинство венчания на царство, не уверовал сердцем. Что происходит в таком случае? Как не соблюдающий заповеди Господни или усомнившийся в них после принятия благодати крещения не отрицает необходимости св. крещения в целом для спасения души человека, так и царь, не уверовавший всем сердцем и не соблюдавший обещанное в таинстве венчания на царство, не может своим отступничеством опровергнуть идею о необходимости царской власти для спасения народа.

Еще в прошлом столетии святитель Феофан Затворник предупреждал: «Коренные стихии жизни русской выражаются привычными словами: православие, самодержавие, народность (то есть Церковь, царь и царство). Вот что надобно сохранять! И когда изменяются сии начала, русский народ перестает быть русским. Он потеряет тогда священное трехцветное знамя».

Черно-золото-белый стяг – единственный в истории России государственный флаг - символизирует вековую православную русскую идеологию. Бог, Царь, Россия. Золото благодати Святого Духа, почивающего на главе богопомазанника, изображается на флаге между непостижимым Творцом и русским белым царством.¹

Христиане вновь получают от Бога власть на своей родной святой земле, но отнюдь не в результате борьбы за нее, так как борьба за власть греховна в самой своей сущности, но как результат борьбы за торжество правды Божией на земле, как победу евангельской морали над корыстным земным расчетом. Любя нас и отечески заботясь о нашем благе, отцы наши завещали нам не испытывать того, что сами они на горьком опыте извели. Господь Промыслитель вдохновил наших благочестивых предков дать обет верности Его помазанникам не только от своего поколения, а и за всех своих потомков, как, очевидно, не способных совершить в будущем подобный подвиг соборного единения во Христе. По внушению Святого Духа православные русские люди собрали богосюзный собор 1613 года и навсегда признали над собой власть русских царей, видя в самодержавии аскетический идеал и высокую нравственную силу. Наш народ, трезво осознав свое слабое и шатко его состояние, навсегда добровольно отказался от греховного своеволия, полностью ограничив свою гражданскую свободу послушанием и повиновением царю.

Церковно-государственный собор 1613 года как единственно законный инструмент восстановления богозаконной власти в период безвластия отразил глубокое всенародное убеждение, что наследственное самодержавие есть великая святыня, предмет нашей политической веры, наш русский догмат, единственно надежная защита от бедствий внешних и внутренних в будущем. Непраздны звучащие и донныне слова патриарха Гермогена, святого охранителя законной власти: «Благословляю верных русских людей, поднимающихся на защиту веры, царя и Отечества, и проклиная вас, изменники».

Наши святые отцы учили, что своеволие толпы в выборе формы и содержания российской государственности есть богоборчество.

В своей книге «Происхождение закона о престолонаследии в России» святитель Иоанн Шанхайский утверждает, что «пренебрежение тем законом, который выработан собирателями Руси и осенен благословениями ее святых заступников и святителей, было причиной многих печальных последствий, а в дальнейшем будет источником новых потрясений и волнений, ибо русский народ во все эпохи стремился к своему законному царю, только под властью которого Русь всегда обретала успокоение и благоденствие» (37, 76).

Все, кто возражал раньше или будет возражать теперь против Соборной грамоты 1613 года, — суть враги Божий, восстающие не только против царской власти, но и против Бога, разорители закона Божия. Много таких врагов теперь. Они боятся Божией правды и потому скрывают от народа его Утвержденную грамоту.

Русский человек! Напиши в своем сердце и повторяй в своих ежедневных молитвах после вселенского Символа веры свой русский Символ веры, который гласит:

«Верую, Господи, в православное царское самодержавие, Духом Святым клятвенно утвержденное на вечные времена освященным Собором и русским народом для мира и благоденствия нашего Отечества и для спасения души, как учили о том же и все святые угодники Божий русские последних веков. Аминь».

Иеросхимонах Ефрем, Св. гора Афон, Карули, 1999 г.

¹ При Императоре Александре II был по ошибке утвержден именно такой флаг — с черной полосой наверху. Но скоро выяснили, что это Ганноверский флаг! Когда ошибка выяснилась, флаг с черной полосой наверху был отменен. Впоследствии цвета расположили в другом порядке: белое наверху, черное внизу. См. также: Николай II. Страницы жизни. СПб., Лики России, 1998, С. 282-282

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

О происхождении власти

п. 1. Божественное установление царской власти

Слово Божие возвещает христианам, а в лице их и всем народам, всему человечеству: *несть власть, аще не от Бога; сущия же власти от Бога учинены суть* (Рим., 13, 1).

Благоговейному и беспристрастному изыскателю нетрудно дознать и уразуметь, каким образом власть, по учению слова Божия, происходит от Бога.

Откуда это множество людей, соединенных религиею, законом, языком, обычаями, которое называют *народом*? Очевидно, что множество это *народилось* от некоего меньшего племени, а племя произошло от *семейства*. Итак, в *семействе*, собственно так называемом, лежат семена всего, что потом раскрылось и возросло в великом *семействе*, которое называют *государством*. Следственно, в *семействе* должно искать начатков и первого образца власти и подчинения, раскрывшихся потом в большом *семействе* — *государстве*. Именно: отец, который по естественному дару Божию имеет власть дать жизнь сыну и образовать его способности, есть первый властитель; сын, который ни способностей своих образовать, ни самой жизни своей сохранить не может без повиновения родителям и воспитателям, есть природно подвластный. Но как власть отца не сотворена самим отцом и не дарована ему сыном, а произошла вместе с человеком от Того, Кто сотворил человека, то и открывается, что глубочайший источник и высочайшее начало первой власти, а следственно, и всякой последующей между людьми власти, есть в Боге — Творце человека. *Из Него*, во-первых, по слову Божию, *всяко отечество на небесех и на земли именуется* (Еф., 3, 15); потом, когда сыны сынов разродились в народ и в народы и из *семейства* возросло *государство*, необъятное для естественной власти отца, — Бог дал этой, власти новый, искусственный образ и новое имя в лице царя, и таким образом — *Его премудростию*

царие царствуют (Притч., 8,15); и далее, сколько бы ни Продолжались и размножались народы, как бы ни изменялись государства, всегда, посредством вседействующего Промысла, *владеет Вышний царством человеческим* (Дан., 4, 22).

Во времена неведения, когда люди забыли Творца своего и общества человеческие не познавали своего Владыки, Бог — вместе с другими тайнами Своими — и тайну происхождения предержавшей власти даже чувственным образом представил пред очи мира в избранном для сего народе еврейском, именно: в патриархе Аврааме чудесно вновь сотворил Он качество отца и постепенно произвел от него племя, народ и царство; Сам воздвигал судей и вождей сему народу; Сам *царствовал* над сим царством (1 Цар., 8, 7); наконец Сам воцарил над ним царей, продолжая и над царями чудесные знамения Своей верховной власти.

Посему Бог и называется *Царь царствующих и Господь господствующих, Имже царив царствуют. Вышний владеет царством человеческим и ему же восхощет даст е. Господне есть царствие и Той обладает языки* (Пс. 21, 29). *В руце Господни власть земли, и потребнаго воздвигнет во время на ней* (Сир., 10, 4).

Может быть, скажут, что все это было во время *теократии*, то есть богоуправления, а что теперь иные времена. Никто, конечно, не станет спорить, что времена переменяются и что нынешний год уже иной, а не тот, который прошел. Но разве какие-нибудь иные времена имеют иного Бога? Разве Бог когда-нибудь отрекся от Своего богоуправления над миром и человеческим родом, и преимущественно над теми царствами и народами, в которых преимущественно заключено и распространено или которым особенно соприкосновенно Его духовное царство, то есть истинная вера и святая Церковь? Если думают, что богоуправление ограничено было только временами Ветхого Завета и кончилось с началом времен христианских, как будто христианский мир уже не нуждается в управлении Божиим, то, напротив, должно сказать, что с Ветхим Заветом окончился только прежний, более частный и чувственно-образный вид богоуправления и в то же время начался новый, более общий и духовно-образный. В ветхозаветном откровении Бог Отец рек воплощаемому Сыну Своему: *проси от Мене, и дам Ти языки достояние Твое, и одержание Твое концы земли* (Пс. 2,8). И по новозаветному откровению Иисус Христос есть *Князь царей земных* (Апок., 1, 5). *Князь царей*, конечно, не по тщеславному и бездейственному имени, но по действительной власти и по действию сей власти.

п. 2. Действительность и свойство непосредственного Божьего управления земными царствами человеческими

Царство Господа — *царство всех веков и владычество Его во всяком роде и роде* (Пс. 144,13). Преходящие царства человеческие совокупно и повременно являются на позорище света для того, чтобы служить тому духовному царству, и сильные земли чредою изводятся стрещи стражбы его. Свяжав природу необходимостью и *оставив человека в руце произволения его* (Сир., 15, 14), великий Художник мира — Бог простирает Свой перст в разнообразное сплетение событий естественных и свободных деяний и таинственным движением то неких сокровенных нитей, то видимых орудий образует и сопрягает все в единую многохудожную ткань всемирных происшествий, которую время разворачивает к удивлению самой вечности. Различные состояния земных гражданств всеильною рукою Божиею непрестанно направляются к тому, чтоб они уготовляли в себе граждан небесам: для сего Всепромыслитель Бог действует и через общество на человека, и взаимно чрез человека на общество; для сего *языки шатающиеся и восстающие на Господа пасутся жезлом железным и яко сосуды скудельничии сокрушаются* (Пс. 2, 1,2, 9), *обращающиеся воссозидаются и насаждаются* (Иер., 18, 9), *искушаемые проводятся сквозь огонь и воду, твердые в испытании вводятся в покой* (Пс., 65, 12); *для сего возносятся избранные от людей Господних* (Пс. 88, 20), крепкие, predeterminedенные сотворить волю Промысла Божия, *поддерживаются за десницу десницею Всеильного,*

которая *уравнивает пред ними горы и врата медная сокрушает* (Ис., 45,1, 2); и между тем — *да смиритса высота человека и вознесетса Господь един* (Ис., 2, 17), — жребий многочисленнейших народов иногда долго скрывается в неизвестной руке единого смертного, а судьба каждого сильного земли слагается из неисчислимых случайностей, которых никакая человеческая мудрость объять, никакая земная сила покорить себе не может.

Если это всеобъемлющее владычество Божие подвергает нас некоторой судьбе, то судьбе премудрой. Если оно, по-видимому, налагает узы, то разве на своеволие и буйство. Если уничтожает, то единственно тех, которые думают быть сами творцами своего величия, мечтают *взйти выше облак и быти подобны Вышнему* (Ис., 14,14). Если же оно и возносит иногда жребий нечестивого, то не иначе, разве как возносится жезл, который вскоре поразит некоего виновного, сокрушится и отвернется. Напротив — те, которые сами ничего не ищут, кроме славы Божества и блага человечества, — обретают в покорении себя Божественному Промыслу свою надежду и безопасность, в Его власти — основание своего могущества, в Его славе — источник своего истинного величия.

В наши времена многие народы мало знают отношение царств человеческих к Царству Божию, и что особенно странно и достойно сожаления и ужаса — мало знают сие народы христианские. Мало знают не потому, чтоб не могли знать, но потому, что не хотят знать, и глаголющиеся быти мудри между ними с пренебрежением отвергают дознанное и признанное Древнею мудростию, освященное и утвержденное Божественною властью; им не нравится старинное построение государства на основании благословения и Закона Божия; они думают сами гораздо лучше воздвигнуть здание человеческих обществ в новом вкусе, на песке народных мнений, и поддерживать оное бурями бесконечных распрей.

В такие времена как особенно нужно, так и особенно отрадно должно быть нам, богобоязненные и благоверные россияне, часто напоминать себе и крепко содержать в памяти оправданное судьбою отечества нашего, преданное нам от предков наших, или, лучше сказать от пророков Божиих, то учение, что *владеет Вышний царством человеческим, что Господне есть царствие и Той обладает языки*.

Если бы этой истины и не открыло нам слово Божие, мы могли бы найти ее в общем составе наших познаний о Боге — Творце и Промыслителе.

Так как Бог есть Творец вещественного мира и мира духовного, то, без сомнения, Он и есть Промыслитель как того, так и другого мира. И если промышленности Божия требует мир вещественный, движимый необходимостью законов, при сотворении в него впечатленных, то тем более требует оно мир духовный, которого существа, пользуясь преимуществом свободы, по этому уже самому могут уклоняться от творческого назначения и направления, и для таковых особенно случаев нуждаются призывать руку Промыслителя, охраняющую и возвращающую. А как благоустройство и охранение общества человеческого преимущественно зависит от верховной над ним власти, то и оказывается необходимым, чтоб промышление Божие преимущественно сосредоточено было над верховною властью, чтоб *владел Вышний царством человеческим*.

Бывает, что царствование или непосредственное промышление Божие над царством человеческим не для всех и не всегда бывает явственно видимо. Это бывает, во-первых, потому, что Царь Небесный безмерно высок и непостижим и Его нисходящее действие нередко скрывается в цепи посредствующих естественных причин и действий. Во-вторых, это бывает потому, что, царствуя над существами, которым благоволил даровать свободу, Бог хранит неприкосновенным этот дар Свой, то есть оставляет довольно простора свободному действию человеческому. От этого случается, что мы довольно долго слышим шум, видим движение дел человеческих, нередко смешанных и беспорядочных, и не примечаем, как за ними тихо шествуют Божий Промысл и суд, утверждающий, охраняющий и возвышающий то, что служит Царствию Божию, и ранее или позже низлагающий то, что ему противоборствует.

п. 3. Исторические доказательства непосредственного Божьего управления царствами человеческими

Чтоб явственнее видеть царствование Божие над царством человеческим, нужно с особенным вниманием рассматривать такие случаи, в которых непосредственное действие Божие с особенною ясностью обнаруживается.

Хотите ли из действительных исторических событий видеть оправдание этой отрадной для верующего истины? Укажем на некоторые примеры.

Посмотрим на избрание Давида в царя Израилю. *Рече Господь к Самуилу: прииди, пошлю тя ко Иессею до Вифлеема, яко узрех в сынех его Себе царя* (1 Пар., 16, 1). Самуил колебался, находя опасным посольство. И Господь признал опасность и повелел чрезвычайное посольство прикрыть видом обыкновенного жертвоприношения, но самого дела не отменил. Пророк приходит в Вифлеем, пересматривает сынов Иессея, не зная, кто из них должен быть царем. Едва наконец найден Давид, бывший у стада и оставленный отцом без внимания, и тогда уже Самуил получил от Бога определительное изволение и помазал Давида в царя. Но что потом? Давид пошел не на престол, а обратно к стаду. По времени он был позван в дом царя, но не царствовать, а играть на гуслях. Еще по времени пришел он в войско, но не как воин с оружием, а как обозный с пищею для своих братьев-воинов; здесь нечаянно вызвался на единоборство с Голиафом, победил богатыря, приобрел чрез то славу, сделался сродником царя. Теперь он уже не так далек от престола; но и после этого он еще должен быть не царем, а изгнанником, бездомным, скитающимся по горам и дебрям, не находящим безопасности в отечестве и принужденным удаляться к иноплеменникам. Спрашивается: для чего же Давид был помазан в царя так рано, так, по-видимому, неблагоприятно, и даже с опасности» для него? Для того, во-первых, чтоб помазанием преподать ему царскую благодать, которая сделала бы его и победителем, и любезным народу, и в бедствиях неодолимым, и наконец довела бы до престола, как и сказано в Писании, что вследствие помазания *ношашеся Дух Господень над Давидом от того дне и потом* (1 Цар., 16, 13). Во-вторых, для того рано помазан был Давид, чтоб после, по действительном воцарении его, и непокоривые принуждены были признать, что царь поставлен не случаем, не народом, но Самим Богом, когда воцарение Давида, несомнительное по естественному ходу дел, чудесно исполнилось в самой действительности. Наконец для того, чтоб явственным оказалось, *яко не изнеможет у Бога всяк глагол* (Лк., 1, 37). Перейдем к временам христианским. С самого начала христианства Царство Божие на земле, то есть Христова Церковь, целых три столетия не пользовалась помощью и покровительством царств человеческих, а, напротив, претерпевало от них гонение и вражду. В уразумение тайны такого поущения Божия вводит нас апостольское слово: *немощная мира избра Бог, да посрамит крепкая, да не похвалится всяка плоть пред Богом* (1 Кор., 1, 27, 29); то есть: по всевышним судьбам Божиим Церкви Христовой надлежало являться беспомощною, дабы оказалось явным, что она зиждется, утверждается и возвышается не человеческою, но Божию силою; надлежало ей страдать и страданием победить, чтоб заградить уста неверующим и хулителям, древним и нынешним. Но надобно же было наконец отдать истине и видимую справедливость; надобно было, чтоб, по слову пророка, *одержала правда покой* (Ис., 32, 17), чтоб Церковь Христова, после стольких царей-гонителей, имела царя покровителя. Для сего Бог избирает Константина; но Константин — язычник, и Христова истина обыкновенным путем человеческого наставления не проникает до глубины его сердца. И вот Сам Бог приемлет на Себя дело обращения Константина. Послушаем об этом признание самого Константина. «Однажды, в полуденные часы дня, когда солнце начало уже склоняться к западу, —

говорил Константин, — я собственными очами увидел составившееся из света и лежавшее на солнце знамение креста с надписью: сим побеждай». Вслед за тем во сне явился Христос Константину и повелел, сделав знамя, подобное виденному на небе, употреблять его для защиты от нападения врагов (Евсев. о жизни Констант., кн. 1, гл. 28—9). Константин исполнил поведенное; под знаменем креста победил Максентия, сделался единовластителем Римской империи; уверовал во Христа и явился первым христианским царем равноапостольным.

Не очевидно ли из этого, что цари христианские первое начало свое ведут непосредственно от Царя Небесного?

Такое же Божественное промысление можно видеть и в деяниях русского великого князя, равноапостольного Владимира, просветившего царство свое светом веры Христовой, а равно и в судьбе других благочестивых царей христианских.

Если же Сам Бог и словом Своим, и Своими действиями внушает нам мысль, что Он посредством особенного промысления Своего Сам царствует над царством человеческим, то, конечно, мысль сия благопотребна для нас и мы не должны терять ее из вида. В ней, в этой мысли, заключается сила, оружие, опора, руководство — как для царя, так и для царства и для каждого в царстве.

Глава вторая

Единодержавие — самодержавие царя

Как небо, бесспорно, лучше земли и небесное лучше земного, то так же бесспорно лучшим на земле должно быть признано то, что на ней устроено по образу небесного, как и сказано было боговидцу Моисею: *виждь, да сотвориши* вся по образу, показанному тебе на горе (Исх., 25, 40), то есть на высоте боговидения.

Согласно с этим Бог, по образу Своего небесного единоначалия, учредил на земле царя; по образу Своего небесного Вседержительства устроил на земле царя самодержавного; по, образу Своего царства непреходящего, продолжающегося от века и до века, поставил на земле царя наследственного.

Не вдадимся в область умозрений и состязаний, в которой некоторые люди, неизвестно, более ли других обладающие мудростию, но, конечно, более других доверяющие своей мудрости, — работают над изобретением и постановлением лучших, по их мнению, начал для образования и преобразования человеческих обществ. Уже более полувека образованнейшая часть рода человеческого по местам, по временам видит их преобразовательные усилия в самом действии; но еще нигде и никогда не создали они *тихого и безмолвного жития*, какое словом Божиим поставлено во всегда желаемый образец земного человеческого благополучия (1 Тим., 2,2). Они умеют потрясать древние здания государств, но не умеют создать ничего прочного. Внезапно, по их чертежам, составляются новые правительства, но так же внезапно уничтожаются. Они тяготеют отеческою и разумною властью царя и вводят слепую и жестокую власть народной толпы и бесконечные распри искательной власти. Они прельщают людей, уверяя, будто ведут их к свободе, а в самом деле влекут их от законной свободы к своеволию, чтоб потом полноправно низвергнуть их в угнетение.

Надежнее самодельных умствований должно учиться царственной истине из истории народов и царств, и особенно из преимущественно-достоверной истории, как писанной не страстями человеческими, а святыми пророками Божиими, то есть из истории древле избранного и богоправимого народа Божия. Эта история показывает, что лучшее и полезнейшее для человеческих обществ обыкновенно делают не люди, а человек, не многие, а один. Так, какое правительство дало еврейскому народу государственное образование и законы? Один человек Моисей.

Какое правительство распорядилось завоеванием обетованной земли и распределением на ней племен народа еврейского? Один Иисус Навин.

Во времена судей один судия спасал от врагов и зол целый народ.

Но как власть судей была не непрерывная, а пресекалась со смертью каждого судии, то, по пресечении единоначалия, народ приходил в расстройство, благочестие оскудевало, распространялись идолопоклонство и повреждение нравов; затем следовали бедствия и порабощение иноплеменниками. И в объяснение таких нестроений и бедствий в народе священный бытописатель говорит, что *в тья дни не бьяше царя во Израили; муж, еже угодно пред тима его, творяше* (Суд., 21, 24).

Вновь явился один, полномочный силою молитвы и дара пророческого, Самуил, — и народ огражден от врагов, беспорядки прекращены, благочестие восторжествовало.

Потом, для непрерывного единоначалия, Бог в народе Своем поставил царя. И такие цари, как Давид, Иосафат, Езекия, Иосия, представляют в себе образцы того, как успешно самодержавный государь может и должен служить к прославлению Царя Небесного в земном царстве человеческом и вместе с тем — к утверждению и охранению истинного благоденствия в народе своем.

Были и не такие цари, но это было тогда, когда сами цари отступали от Бога и предавались идолопоклонству.

И во времена новой благодати Всепромыслитель Бог благоволил призвать единого Константина и в России — единого Владимира, которые апостольски просветили свои языческие царства светом Христовой веры и тем утвердили незыблемые основания истинному их величию.

Благо народу и государству, в котором единым всеобщим и вседвижущим средоточием, как солнце во вселенной, стоит царь, свободно ограничивающий свое неограниченное самодержавие волею Царя Небесного, мудростью *яже от Бога*, а также великодушием, любовью к своему народу, желанием общего блага, вниманием к благому совету, уважением к законам предшественников и к своим собственным, и в котором отношения подданных к верховной власти утверждаются не на вопросах, ежедневно возрождающихся, и не на спорах, никогда не кончаемых, но на свято хранимом предании праотеческом, на наследственной и благоприобретенной любви к царю и отечеству, и еще глубже — на благоговении к Царю царствующих и Господу господствующих.

Всепромыслителю Господи! Ты дал сей дар верной Тебе России! Нам остается благоговейно хранить и деятельно возвращать сей дар Твой, вседушевно благодарить за оный и молить: *утверди. Боже, сие, еже соделал еси в нас!* (Тис. 67, 29).

Глава третья

Наследственность царской власти

В Книге псалмов читаем: *клятвса Господь Давиду истинною, и не отвержется ея: от плода чрева твоего посажду на престоле твоем* (Пс. 131, 11).

Клятвы об истине свидетельствуемого или обещаемого и человеки, в мыслях и поступках своих основательные, не употребляют расточительно и без нужды, а берегут ее для дел особенной важности и для ограждения и утверждения такой истины, которая преимущественно требует ограждения от недоумения. Кольми паче Бог, Которого слово и без клятвы самодостоверно, если достоверность его подтверждает еще клятвою, то, конечно, этим указывает как на особенную важность предмета клятвы, так и на преимущественную потребность и благотворность несомненного удостоверения о том.

При таком понятии о клятве мы должны признать, что когда *клятвса Господь Давиду истинною*, то есть истину Своего слова утвердил клятвою, и притом с дополнением, что *не отвержется ея*, то есть что не однократно только исполнит Свое слово, но сохранит оное на продолжение времен, то уже этим самым указывает на предмет клятвы важный, благопотребный, благотворный. Какой же это предмет? Наследственность царской власти: *от плода чрева твоего посажду на престоле твоем*.

Из такого представления дела, очевидно, вытекают следующие истины, или догматы.

Первая — что Бог *посажда*ет царя *на престоле*, или, иначе сказать: царская власть есть Божественное учреждение.

Вторая — что Бог *посажда*ет на *престоле* царевом *от плода чрева царя*, то есть: наследственность царской власти есть также Божественное установление.

Третья - что царская наследственная власть есть высокий дар Божий избранному Богом лицу, как об этом свидетельствует обещание сего дара с клятвою, а также и другое Божественное изречение: *вознесох избранного от людей Моих* (Пс. 88, 20).

Четвертая — что царская наследственная власть есть и для народа важный и благотворный дар Божий. Благость Божия беспристрастна, и премудрость Божия всеобъемлюща; а потому если Бог дает царю дар, от которого должна зависеть судьба народа, то, без сомнения, Он дает сей дар, провидя и предустрояя тем благо всего народа.

Вот коренные положения, или догматы, царского и государственного права, основанные на слове Божиим, утвержденные властью Царя царствующих и Господа господствующих, запечатленные печатью клятвы Его.

Да будет благословенно имя Господне от всех россиян, что этот благотворный и счастливейший для отечества дар Божий — наследственность царской власти — дарован России при самом призвании и возникновении ее к исторической жизни, свято, иногда и чудесно был охраняем в течение истекшего целого тысячелетия ее исторической жизни и неизменно передан в священное наследие наступившему новому тысячелетию.

Но да будем внимательны и да не будем беспечны! По неисповедимым всевышним судьбам Божиим, совершающим праведную казнь над грешным миром, уже наступила пора, когда, по предречению пророков Божиих (1 Тим., 4, 1—3; 2 Тим., 3, 4 и проч.), *дух времени* усиливается поколебать и затмить всякую религиозную Божественную истину, всякую истину государственную и семейственную, всякую жизненную истину.

Когда темнеет на дворе, усиливают свет в доме. Береги, Россия, и воздвигай сильнее твой внутренний, домашний свет, потому что за пределами твоими, по слову пророческому, *тьма покрывает землю, и мрак на языки* (Ис., 60, 2); *шатается языцы, и людие поучишася тщетным* (Пс. 2, 1). Перестав утверждать государственные постановления на слове и власти Того, *Кем царие царствуют*, они уже не умели ни чтить, ни хранить царей. Престолы стали не тверды, народы объюродели. Не то чтоб уже совсем не стало понимающих, но дерзновенное безумие взяло верх и попирает малодушную мудрость, не укрепившую себя премудростию Божию. Из мысли о народе они выработали идол и не хотят понять даже той очевидности, что для столь огромного идола неостанет никаких жертв. Мечтают пожать мир, когда сеют мятеж. Не возлюбив свободно повиноваться законной и благотворной власти царя, они принуждены раболепствовать пред дикою силою своевольных скопищ. Так твердая земля превращается там в волнующееся море народов, которое частью поглощает уже, частью грозит поглотить учреждения, законы, порядок, общественное доверие, довольство, безопасность.

Но благословен *запрещающий морю* (Мф., 8, 26). Для нас еще слышен в событиях Его глас, *до сего дойдеши, и не преjdeши* (Иов., 38,11). Крепкая благочестием и самодержавием Россия стоит твердо и спокойно, подобно каменной скале, у подножия которой *сокрушаются волны моря*. Она спокойна, потому что державная рука помазанника Божия держит ее мир, и сугубо спокойна, потому что это мир не дремлющий, но бодрствующий с оружием против ненавидящих мира.

«*С нами Бог!*» — да взывает каждый из нас заедино с благочестивейшим самодержцем нашим. С нами Бог благодатию православной веры. С нами Бог благодатным даром благословенного наследственного самодержавия. Да пребываем же и мы с Богом чистою верою и достойною веры жизнью, непоколебимою верностию богодарованному царю и соответственным единомушием!

Глава четвертая

Священное миропомазание и венчание царя

Бог предопределил Давида в царя Своему народу, и, прежде нежели настало время исполнить в действительности это предопределение. Бог хочет возвестить о сем назначении Давиду и семейству его. Исполнителем этой воли Божией избирается пророк Самуил. Что же нужно было сделать для исполнения этого повеления Божия? Казалось бы, нужно было только пойти и сказать Давиду слово. Нужно ли еще какое-нибудь особенное действие, и какое именно? Чудесное ли, для удостоверения Давида? Но юный пророк Давид и без чуда поверил бы престарелому пророку Самуилу, который от юности своей всему Израилю известен был как истинный пророк Божий. Обрядовое ли нужно действие для торжественности? Но это казалось бы даже преждевременным, потому что это еще не действительное и торжественное воцарение Давида, а только тайное предвозвещение, которое во время самого события или исполнения служило бы удостоверением о воле Божией. Но что глаголет Господь Самуилу? *Наполни рог твой елеем, восстану и помажу Давида* (1 Цар., 16, 1, 12).

Если нельзя подумать, чтобы Бог соделал что-либо излишнее или бесполезное, ибо так думать было бы богохуление, то надобно заключить, что помазание избранного Богом царя было в этом случае благопотребно даже пред очами Божиими; а по сему уже одному нельзя не признать оно важным для человека.

Истина этого еще более открывается и дознается из непосредственного действия помазания над Давидом. Какого действия? Вот какого: *и помаза его Самуил: и ношавшя Дух Господень над Давидом от того дне, и потом* (1 Цар. 16, 13).

Дух Божий ношавшя над Давидом. Какое высокое состояние! Без сомнения, оно было и весьма благотворно для Давида. Без сомнения, от носившегося над Давидом Духа Божия нисходили светлые лучи в его ум, чтоб просвещать его в познании того, что есть истинно, богоугодно и спасительно; упали в сердце святые искры, чтоб воспламенять его к добрым намерениям и спасительным делам; и все существо его исполнялось вышнюю силою, с которою он и трудные дела начинал с дерзновением и совершал с успехом. Ибо если бы наитие Духа Божия не ознаменовалось такими благотворными влияниями, то что могли бы значить, как могли бы сказаны быть эти слова: *ношавшя Дух Господень над Давидом от того дне, и потом?*

Несомненно, что с возлиянием елея на главу помазуемого соприсущно было наитие благодати Божией. Несомненно, что наитие всеящего и всеосвящающего Духа Божия не было бездейственным.

Если же ветхозаветные священнообрядовые действия оказываются имеющими толикую важность и силу, тогда как они были только *сень грядущих* (Кол., 2, 17), то что должно думать о духовно-таинственных учреждениях Новозаветной Церкви Христовой, в которой живоносные токи Духа Святаго, обильно и торжественно изливавшегося на апостолов, текут непрерывно и орошают все исполнение ее, *яко Иисус уже прославлен* (Ин., 7, 39)? Не больше ли еще важны, не более ли исполнены благодати сии учреждения?

По чину Христовой православной Церкви, священнодействие царского венчания начинается тем, что Церковь предлагает благочестивейшему императору произнести во всеуслышание православное исповедание веры. Что это значит?

Это значит, что Церковь, как сама основана непоколебимо на камени веры, так желает и царское достоинство и благословенное царствование утвердить непоколебимо на камени веры. Поистине, если Господу нашему Иисусу Христу, владычествующему над всем по Божеству, вследствие заслуги спасительного страдания и воскресения новым образом как Богочеловеку *дадешя*, по собственному изречению Его, *всяко, власть на земли*, как *на небеси* (Мф., 28, 18); если Он, по слову Тайновидца, есть *Князь царей земных*, то, по сему самому, земные царь и царство могут быть истинно благословенны и благоденственны только тогда, когда они угодны

Небесному Царю и Его верховному владычеству; угодны же Ему могут быть несомненно только тогда, когда право исповедают и деятельно хранят веру, которая есть сила, и средство, и цель Его Божественного владычества. И сию-то истину деятельно исповедует благочестивейший самодержец наш торжественным исповеданием святейшего Символа святейшей веры Христовой.

Далее весь чин царского венчания святая Церковь как облаком духа облекает, как благоуханием священного кадила исполняет — обильною молитвою. Каждое воспринимаемое царем знамение величества — порфиру, венец, скипетр, державу — она осеняет божественным именем Пресвятой Троицы. Чтобы усвоить царю более внутреннее, таинственное освящение, она священным помазанием полагает на нем *печать дара Духа Святого*. Наконец приближает его к самой трапезе Господней и на великий подвиг царствования укрепляет его божественною пищею Тела и Крови Господних.

Представляя сие сколь священное, столь же и величественное зрелище, кто не помыслит с благоговением, как велико поистине значение православного царского величества! Оно осенено, объято, проникнуто освящением свыше. Да слышатся и здесь оные древние пророческие от лица Божия гласы: *вознесох избранного от людей Моих; елеем святым помазах его; истина Моя и милость Моя с ним!* (Пс., 88, 20. 21. 25)

Глава пятая

Неприкосновенность царской власти

Бог чрез пророков Своих заповедует: *не прикасайтесь помазанным Моим!* (1 Пар., 16, 22). И: *касаясь их, яко касаясь в зеницу ока Господня* (Зах., 2, 8).

Если бы слово Божие и не провозглашало неприкосновенности помазанных Божиих, тем не менее обществу человеческому для собственного своего блага надлежало бы законом постановить и оградить неприкосновенность преобладающей власти. Рассуждайте здраво и основательно.

Правительство, не огражденное свято почитаемую от всего народа неприкосновенностию, не может действовать ни всею полнотою силы, ни всею свободю ревности, потребной для устройства и охранения общественного блага и безопасности. Как сможет оно развить всю свою силу в самом благодетельном ее направлении, если его сила будет находиться в ненадежной борьбе с другими силами, пресекающими ее действие в столь многообразных направлениях, сколько есть мнений, предубеждений и страстей, более или менее господствующих в обществе? Как может оно предаться всей своей ревности, когда оно по необходимости должно будет делить свое внимание между попечением о благосостоянии общества и заботою о безопасности? Но когда так нетвердо будет правительство, то так же нетвердо будет и государство. Такое государство подобно будет городу, построенному на огнедышащей горе: что будут значить все его твердыни, когда под ними будет скрываться сила, могущая каждую минуту все превратить в развалины? Подвластные, которые не признают священной неприкосновенности владычествующих, надеждою своеволия побуждаются домогаться своеволия; а власть, не уверенная в своей неприкосновенности, самую заботою о собственной безопасности побуждается домогаться преобладания: в таком положении государство колеблется между крайностями своеволия и преобладания, между ужасами безначалия и угнетения и не может утвердить в себе послушной свободы, которая есть средоточие и душа жизни общественной.

От соображений гражданских возвысимся умом к учению божественному.

Бог заповедует: *не прикасайтесь помазанным Моим!* В этой заповеди выражается как требование повиновения преобладающим властям, так и глубокое изъяснение причин сего требования и убеждение к послушанию. Именно: *не прикасайтесь* властям преобладающим, глаголет Вседержитель, ибо они суть Мои; не прикасайтесь, ибо они суть *помазанные* от Меня.

Итак, одно из глубоких оснований неприкосновенности предержавших властей есть то, что они суть Божий. *Несть бо власть, аще не от Бога: суция же власти от Бога учинены суть.* Если же, таким образом, всякая предержавшая власть открыто или сокровенно исходит от Бога и Ему принадлежит, то как дерзнуть прикоснуться к ней? Если мы требуем, чтоб наше произведение было неприкосновенно для других и чтоб наша собственность была ненарушима, то кто может безнаказанно нарушить устройство и собственность Вседержителя?

Другое священное основание неприкосновенности предержавших властей есть то, что они суть *помазанные* от Бога. Имя *помазанных* слово Божие усваивает царям по отношению к священному и торжественному помазанию, которое они, по божественному установлению, приемлют при вступлении на царство. Как бы мы ни рассуждали о сем действии — значит ли оно посвящение помазуемого Богу или его освящение от Бога; созерцаем ли в сем действии таинство, приносящее помазуемому божественный Дух и силу духовную, или только видим действие торжественное, полагающее на царя несокрушимую печать вышнего избрания, во всяком случае имя помазанника Божия представляет лицо, запечатленное Богом, священное, превознесенное, достойное благоговения и потому неприкосновенное.

Достоинно особенного примечания, что слово Божие называет помазанными и таких земных владык, которые иногда не были освящены видимым помазанием. Так, пророк Исаия, возвещая волю Божию о персидском царе, говорит: *сице глаголет Господь помазаннику Своему Киру* (Ис., 45, 1), тогда как Кир еще и не родился, и родясь не познает Бога Израилева, в чем и обличается от Него предварительно: *укрепих тя, и не познал еси Мене* (5). Каким же образом сей самый Кир в то же время наречен помазанным Божиим? Сам Бог изъясняет это, когда предрекает о Кире чрез того же пророка: *Аз возставих его; сей созиждет град Мой, и пленение людей Моих возвратит* (13). Проникни здесь, христианин, глубокую тайну предержавшей власти. Кир есть царь языческий; Кир не знает истинного Бога, однако Кир есть помазанник истинного Бога. Почему? Потому что Бог, *сотворивый грядущая* (11), назначил Кира для исполнения помазал дух Кира еще прежде, нежели произвел его на свет; и Кир, хотя не знает, кем и для чего помазан, движимый сокровенным помазанием, совершает дело Царствия Божия. Как могущественно помазание Божие! Как величествен помазанник Божий! Он есть живое орудие Божие; сила Божия исходит чрез него во вселенную и движет большую или меньшую часть рода человеческого к великой цели всеобщего совершения.

Если таким может быть даже не ведающий Бога, то не более ли священно величие тех помазанников, которые познали Помазавшего их и дар помазания не только прияли для других, но и для себя объяли верою и благочестием, — которые помазаны для того, чтобы с собою воцарять благочестие? О таких сугубо священных помазанниках если бы грозная заповедь и не возвещала, то благоговейная любовь сама собою чувствует, что касаясь их, яко *касаясь в зеницу ока Господня.*

Благоверные россияне! Храните же внимательно и благоговейно зеницу ока Господня! *Не прикасайтесь помазанным Божиим!* Заповедь Господня не говорит: не восставайте против предержавших властей, потому что подвластные и сами могут понимать, что, разрушая власть, разрушают весь состав общества и, следовательно, разрушают самих себя. Заповедь говорит: *не прикасайтесь* — даже так, как прикасаются к чему-либо без намерения, по легкомыслию, по неосторожности; потому что случается нередко, что и в этом неприметно погрешают. Душа христианская! Ты призвана *повиноватися за совесть* (Рим. 13, 5), а потому, сколько возможно, не прикасайся власти ни словом ропота, ни мыслию осуждения, и веруй, что *якоже возвеличится душа помазанных во очию твоею, тако возвеличишься ты пред Господом, и покрывает тя, и измет тя от всякая печали* (1 Цар., 26, 24).

Глава шестая

Царственные подвиги, или дело царево

Когда благоговейная верноподданническая мысль приступает к рассмотрению высокого царского служения; когда рассматривает, как державный ум проходит по всему огромному составу государства, обнимает вниманием и разнообразным попечением жизнь, безопасность, довольство, нравы, просвещение, верование миллионов народа, чтобы повсюду добро насаждать, возвращать, охранять, зло пресекать, отвращать, предупреждать, необразованное образовывать, несовершенное усовершенствовать, поврежденное исправлять, и для сего по временам изрекает новые или дополняет прежние законы, непрестанно движет многочисленные пружины управления, блюдет над правосудием, зиждет и одушевляет воинство; как он проникательные и дальновидные взоры простирает далее пределов своего в иные царства, дабы отсюда ограждать и утверждать мир, приобретать и поддерживать добрых союзников, подавлять семена раздоров, браней и крамол, обезоруживать зависть, усматривать общепольное и усвоять таковое, открывать вдали крадущееся влияние какой-нибудь заразы и преграждать ей пути, — при таких помышлениях о подвигах царя к радости о нем присоединяется и удивление, и забота любви. Сколько бремени к облегчению всех нас несут одни державные рамена!

Поистине, чтоб от *венца* царева как от средоточия на все царство простирался животворный свет *честнейшей каменей многоцветных* (Притч., 3, 15) мудрости правительственной, — чтоб мановения *скипетра* царева подчиненным властям и служителям воли царицы указывали всегда верное направление ко благу общественному, — чтобы рука царицы крепко и всецело обнимала *державу* его, чтобы *меч* царев был всегда уготован на защиту правды и одним явлением своим уже поражал бы неправду и зло, чтоб царское *знамя* собирало в единство и вводило в стройный чин миллионы народа, чтобы труда и бодрствования царицы доставало для возбуждения и возвышения их деятельности и для обеспечения покоя их, — не высший ли меры человеческой потребен для сего в царице дар?! Посему-то благочестивейший император наш, приемля свой царский венец, при всенародной молитве всего царства и церкви, взыскует еще *свыше* помазания от Святого, взыскует чрезвычайных даров Духа Всемогущего для благо-поспешного и богоугодного царствования.

С благоговейною радостьюзираем мы на царский венец, который недосызаемо превознесен над нами, но который осеняет всех нас и которым все мы можем хвалиться пред народами. Радостен сей венец для нас, потому что он для всех нас есть покров, защита, слава, украшение; но тяжел он для венценосца, потому что это венец избрания и освящения на великие подвиги, а не венец награды и покоя после подвигов. *Тяготы* огромной России *носит* благочестивейший самодержец, исполняя *закон Христов* (Тал. 6, 2) и закон царский. Какая потребна сила, чтоб поднять, и носить, и направлять в движение силы всей России! Праведно посему, чтоб все силы россиян соединялись, дабы по возможности облегчать бремя, носимое самодержцем, — чтоб все сердца россиян соединялись, дабы всеусердными молитвами призывать ему силу от Того, *Имже ца-ие царствуют: Господи, силою Твоею да возвеселится царь и о спасении Твоем возрадуется зело!*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава седьмая

О благоговейном почитании царя

Господь и Спаситель наш повелевает нам: *воздадите кесарева кесареви, и Божия Богови* (Мф., 22,21).

Так Царь Небесный не освобождает нас от исполнения обязанностей наших к царю земному, но Сам провозглашает эти обязанности и Сам повелевает исполнять их. От всех требуя исполнения обязанностей к Богу: *воздадите Божия Богу*, Он от всех же требует исполнения обязанностей и в отношении к царю: *воздадите кесарева кесареви*.

Обе эти заповеди Господу угодно было соединить, сопоставить вместе одну с другою, без сомнения, для того, чтоб обе они были неразлучны в мыслях наших и в сердце нашем и чтобы мыслию о Боге мы возбуждались и укреплялись в исполнении обязанностей наших в отношении к царю.

И апостол Христов Петр заповедует нам: *Бога бойтесь, царя чтите* (1 Петр., 2,17). Опять обе заповеди — об обязанностях наших к Богу небесному и к царю земному — поставлены рядом, в непосредственном одна с другою сближении, как бы мысль о них нераздельна.

Чтоб явственнее уразуметь высокое значение заповеди апостольской о почитании царя, вспомним, кто и какие были цари — современники апостолов. В Иудее царствовал тогда Ирод. В каких же отношениях он находился к христианству? *Возложи*, говорит книга Деяний апостольских (12, 1-4), — *возложи Ирод царь руке озлобити некия от церкви. Уби же Иакова брата Иоаннова мечем. И видев, яко годо (угодно, приятно) есть иудеем, приложи яти и Петра, егоже и ем всади в темницу*. Ангел Божий чудесно избавил Петра из темницы и от царя; и после того Петр проповедует заповедь: *царя чтите*. Чем также наградила Петра за подвиги апостольские держава римская? Не крестом почести, но крестом распятия. Петр ожидал этого по бывшим уже примерам и даже был предуведомлен о том от Самого Господа; при всем том почтение к царю он проповедует и заповедует подданным того царя, от которого сам пострадать готовился. На чем же основывается эта заповедь? Без сомнения, она основывается на истине Божественной. Именно, заповедь *Бога бойтесь* ясна и непоколебима сама по себе, так как с мыслию о Боге необходимо соединяется благоговение к Богу. На этой первой заповеди необходимо утверждается вторая: *царя чтите*; ибо если вы боитесь Бога, то не можете не уважать того, что постановлено Самим Богом; как же, по слову Божию, *несть власть аще не от Бога, сущия же власти от Бога учинены суть*, и царь — *Божий слуга есть* (Рим. 13,1,4), то, благоговей истинно пред Богом, вы не можете не чтить усердно и царя. Таким образом открывается, что думал апостол, когда с мыслию о страхе Божиим непосредственно соединил мысль о почтении к царю. Он хотел кратко, но при том чисто и основательно преподать учение о должности христианина и гражданина. Сказав: *Бога бойтесь*, он изложил учение христианина и вместе положил основание учению гражданина. Сказав непосредственно затем: *царя чтите*, он не только изложил учение гражданина, но и утвердил оное на незыблемом основании. Он разом показал как независимое божественное достоинство религии, так и зависящее от устройства Божия достоинство царской власти.

Если же нераздельно с великою заповедию Бога *бойтесь* была возвещена заповедь *царя чтите* — в такое время, когда цари не чтили истинного Бога и даже преследовали читателей Его, то как священна, и легка, и сладостна должна быть для нас заповедь о почитании царя теперь, когда царь, над нами царствующий, не только знает и исповедует истинного Бога, но и освящен помазанием от Бога, покровительствует истинное благочестие своею властью, уполномочивает своим примером, ограждает законами!

Да будет же неразрывен прекрасный и благотворный союз сих двух заповедей: *Бога бойтесь, царя чтите!* Народ, благоугождающий Богу, достоин иметь благословенного Богом царя. Народ, чтущий царя, тем самым благоугождает Богу, потому что царь есть устройство Божие.

Глава восьмая

Молитва о царе

Апостол Павел в послании своем к епископу Ефесской церкви Тимофею пишет: *молю убо прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения за вся человеки, за царя и за всех, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте* (1 Тим. 2, 1-2).

Если обратим внимание на то, в какое время написал святой апостол наставление это епископу Тимофею, то можем усмотреть всеобъемлющее пространство любви христианской, открыть глубокую богодухновенную прозорливость апостола и глубоко почувствовать силу нашей обязанности молиться за царя.

Апостол Павел преподал наставление о молитве за царя и за сущих во власти тогда, как во всем мире не было ни одного царя христианского; когда цари и власти были или иудейские, не верующие во Христа, или языческие, погруженные в заблуждения и пороки идолопоклонства, и которые, приходя в соприкосновение с христианством, большею частию являлись врагами его и гонителями, с намерением даже совершенно истребить его. Разум естественный, конечно, сказал бы, что это несообразность — целиться за людей, которые хотят вас истребить. Но любовь христианская говорит: молитесь и за сих; желайте и просите им всякого блага; может быть, в благодеяниях познают они Благодетеля — Бога, познав, уверуют в Него, уверовав, умиротворятся в отношении к другим верующим в Него... а если бы и не так, то, по заповеди возлюбленного Спасителя, *молитесь за творящих вам напасть и изгонящих вы* (Мф., 5, 44).

При воззрении на чуждые христианства и даже враждебные к нему расположения современных, а потому земных властей наставление апостола о молитве за них представляет вид необычайности еще тем, что оно заповедует *творить* за них не только *молитвы*, но и *благодарения*. Неужели враги и враждебные действия, гонители и гонения могут быть предметом даже благодарности? Недоумение это будет устранено, если примем в рассуждение, что святой апостол есть не просто наставник, но наставник богодухновенный. Христос Спаситель и всем христианам для важных случаев, когда им нужно с особенною верностию и твердостью изрещи или засвидетельствовать истину Христову, дал такое обетование: *не вы будете глаголющий, но Дух Отца вашего глаголяй в вас* (Мф. 10, 20). Без сомнения, дар этот в преимущественной силе и полноте дан был апостолу как провозвестнику Христова учения для вселенской Церкви. Итак, святой Павел пишет наставление Ефесской церкви, а Дух Святой в то же время благоизволяет чрез него написать наставление Церкви вселенской. Павел смотрит на церковь Ефесскую, как она есть, а Дух в нем Божий в то же время смотрит на Церковь вселенскую, как она есть и будет. Павел видит современный мрак царств языческих, а Дух в нем Божий провидит и более или менее показывает ему будущий свет царств христианских. Взор богодухновенного, проникая будущие веки, встречает Константина, умиротворяющего Церковь и освящающего верою царства; видит Феодосия, Юстиниана, защищающих Церковь от ересей; конечно, видит далее и Владимира, Александра Невского и других — распространителей веры, защитников Церкви, охранителей православия. После этого неудивительно, что святой Павел пишет: *молю творити* не только *молитвы*, но и *благодарения за царя и за всех иже во власти суть*, потому что будут цари и власти не только такие, за которых надобно молиться со скорбью или утешением, но и такие, за которых, как за драгоценный дар Божий, должно благодарить Бога с радостью.

Глубокое смирение и вместе сильное желание апостола сделать преподаваемое им наставление действенным открывается в том, что он не излагает истину равнодушно и не повелевает властью апостольскою, но просит и умоляет, чтоб приносимы были молитвы за царя: *молю*, — говорит, — *творити молитвы за царя*. И

можем ли мы не чувствовать глубоко и сильно этой обязанности, столь убедительно внушаемой нам апостолом? Как ни отдалены мы от святого Павла временем, но кажется, что звук его апостольского вещания громче и сладостнее должен отдаваться в наших сердцах, нежели в современных апостолу христианах Ефесской и других церквей; ибо они со страхом, сквозь слезы, должны были молиться за царей, чуждых христианства и угрожающих ему; а нашим отцам и нам предлежало и предлежит молиться за царей благочестивейших, распространителей веры, защитников Церкви, охранителей православия, — молиться с миром, с радостью, с благодарностью.

Для подкрепления своего учения о молитве за царя святой апостол указывает и на ожидаемый от нее плод, именно: *да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте*. Итак, апостол полагает, что от царя, по молитве Церкви и царства, Богом просвещаемого и укрепляемого, весьма много зависит *тихое и безмолвное житие*, то есть жизнь спокойная и безопасная, и не только тихое и безмолвное житие, но и *житие во всяком благочестии и чистоте*.

Умножим же, верные чада России, умножим сердечные моления наши к Богу о благочестивейшем государе нашем императоре, да Сам Царь царствующих *благословит его благословением благостынным*, к полной радости его и нашей, к совершенному благоденствию отечества нашего.

Глава девятая

Празднование царских дней

Пророк и царь Давид в 143-м псалме молится и воспевает Богу: *Боже, песнь нову воспою Тебе; во псалтири десятиструннем пою Тебе, дающему спасение царем*. Давид обещает воспеть Богу песнь новую и в то же время являет обещание свое уже исполняемым: *пою Тебе*. Обещанием или желанием воспеть новую песнь указывает на исполнение прежних, или *обычных*, песней или славословий. Воспевая песнь за спасение царей, он благодарит Бога за Его покровительство царям. Очевидно, что это есть торжественное молебное пение к Богу, *дающему спасение царям*, то есть торжественное благодарение и прославление Бога за Его особенное покровительство царскому достоинству или служению.

В какие же дни, или по каким случаям, совершалось это царское молебное пение? Несомненно, в такие дни, или при таких случаях, когда открывалось особенное покровительство или промысление Божие над царем. И нетрудно искать такие дни. Например, какой день был памятнее и священнее для Давида и для царства, как не тот счастливейший день, в который Давид чрез особенное освящающее действие возведен был из обыкновенного в высокое благодатное состояние и о котором записано: *и помаза его Самуил посреде братии его: и ношашеся Дух Господень над Давидом от того дне и потом?* Можно ли думать, чтоб Давид позабыл этот день, столь примечательный и решительный в его жизни? Не вероятнее ли, напротив, что он помнил оный и при каждом обращении годового круга дней встречал его с особенным вниманием, с благоговением к Богу, с благодарением, с молитвою о продолжении благопомощного осенения от Духа Господня?

А что значит, что Давид восприимлет о спасении царей воспеть еще *новую* песнь: *Боже, песнь нову воспою Тебе, дающему спасение царем?* Очевидно, что некие новые царственные обстоятельства или события, например избавление от новых опасностей, препобеждение новых трудностей, вновь явленная Богом царю защита и помощь, — возбуждали в уме Псалмопевца новые мысли, в сердце новые чувствования, в десятиструнной псалтири новые звуки, в обычной за царя молитве новую песнь.

Так возникли и утвердились постоянные царские праздники и случайные празднования по поводу особенных, случайных царственных событий.

Священное основание для празднования царских дней навсегда остается неизменным в народе Божием и в Церкви Божией. Бог, Который повелел помазать Давида на царство, не есть ли Тот Самый Бог, *Которым* и ныне *царие царствуют*? Несомненно, что Он Сам благословляет и освящает венчание и помазание и наших благочестивейших царей — императоров. От дня помазания царя Дух благодати Божией носится над помазанником. И как последующее воспоминательное празднование дня царского помазания очевидно связано с днем самого события, то не должно ли думать, что при каждом праздновании такого дня Дух Господень особенно призывает в сердца празднующих, чтоб по мере веры их, по искренности их благодарения за прошедшее, по усердию и чистоте их молитв о будущем продлить над царем и царством Свое благодатное осенение, благопомощное царю, благотворное и спасительное для царства? А посему празднование царского дня должно быть для всех нас сколько радостным и торжественным, столько же и священным. В такой день особенно да одушевляемся мы как любовью к царю, так и благоговением к Царю царствующих. *Пусть веселие движет сердца; но и молитва да воздвизает души под благодатное осенение Духа Господня.*

Образец частной молитвы в царские праздники

Ты над всеми начальству'еши, Господи, начало всякого начала, и в руку Твою крепость и власть, и в руку Твою милость, Вседержителю, возвеличити и укрепити вся (1 Пар. 29,12). Благослови начало, и течение, и венец лета царева. Дни на дни царева приложиши, лета его до дне рода и рода (Пс. 60, 7). Дождь Твою крепость царю нашему и вознеси рог помазанника Своего (1 Цар. 2, 10). Изострай и углубляй взор мудрости его, чтоб и соккрытое нередко доброе и полезное открывать и изводить на свет; чтоб крадущееся злое издалека усматривать и возвращать на главы духов лукавствия. Восставляй неоскудно в державе его и крепкого, и смотреливаго, и дивного советника, и разумного послушателя (Ис. 3, 2, 3), ибо спасение есть во мнозе совете (Притч. 11, 14). Возвесели благочестивейшего царя благоденствием благоверного царства и благоверное царство — благоденствием благочестивейшего царя!

Глава десятая

Повиновение, или послушание, царю и поставленным от него властям или начальствам

Что повиноваться власти должно — надобно ли это доказывать? Где есть общество человеческое, там необходимо есть власть, соединяющая людей в состав общества; ибо без власти можно вообразить только неустроенное множество людей, а не общество. Но власть действует в обществе и сохраняет его посредством повиновения. Значит, повиновение необходимо соединено с самим существованием общества. Кто стал бы колебать или ослаблять повиновение, тот колебал бы или ослаблял самое основание общества.

Повиновению власти поучимся из слова Божия. Апостол Петр внушает христианам: *повинитесь всякому человеку созданию* (то есть всякому от Бога устроенному над человеками начальству) *Господа ради, аще царю, яко преобладающу, аще ли князем, яко от него посланным, в отмищение убо злодеем, в похвалу же благодетворцем* (1 Петр., 2,13,14).

Какое удовлетворительное учение! *Повинуясь царю* и поставленному от него *начальству*, вы несомненно угождаете царю; и в то же время, *повинуясь им Господа ради*, вы чрез то благоугождаете Самому Господу.

Заметим, что апостол не довольствуется тем, чтоб учить повиноваться как-нибудь; но учит повиноваться с определенным побуждением, именно — *Господа ради*.

Здесь является предположение, что апостол имел в виду и другие роды повиновения, то есть по иным побуждениям, как-то: повиновение из личных интересов, повиновение ради общества, ради начальства... но апостол своим ученикам заповедует и внушает именно *повиновение Господа ради*.

Размыслим об этом.

Кто повинуется из страха наказания за неповиновение, тот повинуется *ради себя*, то есть чтоб охранить себя от неприятности наказания. Есть люди, для которых надобно и сие побуждение к повиновению; но кто захочет похвалиться, что он для себя избрал именно этот род повиновения?

Кто повинуется для достижения выгоды, награды, почести, тот также *ради себя* повинуется. Власть поступает прозорливо и благодетельно, когда употребляет поощрения к повиновению; но поощрения, по существу своему, могут иметь место лишь в некоторых случаях, а не могут основать и обеспечить повиновения всеобщего: дела повиновения наиболее общие и притом необходимые для общества, как, например, вношение податей, наименее способны к тому, чтоб соединить с ними какое-либо воздаяние или почесть,

Умлюбодумствующий похвалит так называемое *повиновение ради общества и вместе — ради себя* по следующим соображениям. Благосостояние и довольство человека не может быть устроено и сохранено иначе, как посредством общества, именно: общество доставляет человеку безопасность личную, образование способностей, случаи к употреблению их, способы к разным приобретениям и стяжаниям и опять — безопасность приобретенного. А как для сохранения общества необходимо повиновение, то каждый член общества и должен повиноваться, как ради общества — из благодарности к нему за получаемые от него каждым блага, так опять и ради себя же, чтоб, сохраняя повиновением общество, сохранять для себя то, чем он от общества пользуется. Умозрение сие справедливо. Но много ли в обществе людей, способных учреждать свое повиновение по идеям и умозрениям? Когда смотрим на опыты, как в наше время на подобных умозрениях хотят основать повиновение некоторые народы и государства и как там ничто не стоит твердо — зыблются и престолы и алтари, становятся, по выражению пророка, *людие аки жрец и раб аки господин* (Ис. 24, 2), бразды правления рвутся, мятежи роятся, пороки бесстыдствуют, преступления ругаются над законом; нет ни единодушия, ни взаимной доверенности, ни безопасности, каждый наступающий день угрожает; то, при виде всего этого, невольно побуждаемся заключить: видно, не на человеческих умозрениях основывать должно государственное, благоустройство.

Есть еще *повиновение ради общества и ради начальства* — не столько по умозрению, сколько по чувству сердца, то есть по любви к государю и отечеству. Счастлив народ, одушевляемый такою любовью. Это жизненная теплота в организме государства, самодвижное направление к общественному единству, крылатая колесница власти, свободная покорность, покорная свобода. Нам, россиянам, от матернего млека напоенным любовью к государю и отечеству, известно по давним и недавним опытам, сколь крепительна была эта пища для подвигов труднейших, во времена труднейшие. Но чтоб естественная любовь к государю и отечеству была неизменна, чиста, спасительна, для этого нужно, чтоб она утверждалась на незыблемом основании, а такое основание может быть только в Боге.

Вот почему апостол, минуя прочие побуждения к повиновению, утверждает повиновение на единой мысли о Боге: *повинитесь*, говорит, *Господа ради!* То есть повинуйтесь по вере в Бога и из страха Божия; или повинуйтесь по вере в слово Божие и веление Божие и из страха оказаться слушниками воли Его.

И нетрудно понять и уразуметь, каким образом вера в Бога и страх Божий составляют важнейшее побуждение к повиновению.

Вера освящает власти земные, показывая их небесное происхождение, возвещая нам от лица Божия, что *Вышний владеет царством человеческим и ему же*

восхощет даст е (Дан. 4, 29), что *Им царие царствуют и вельможи величаются* (Притч. 8, 15. 16), что *несть власть, аще не от Бога* (Рим. 13,1), что каждый начальник есть *слуга Божий*, поставленный над нами *для нашего же блага* (4). Вера утверждает нас в той мысли, что издаваемые правительством законы начертываются под влиянием Промысла Божия. Вера повелевает нам *повиноваться властям* (1) *не только благим и кротким, но и строптивым* (1 Петр. 2, 18), угрожая гневом небесным (Еф. 5, 6) не покоряющемуся властям как преступнику, который *Божью повелению противляется* (Рим. 13,2). Вера предписывает нам *служить властям с уважением и в простоте сердца, как Самому Господу, а не человекам* (Еф. 6, 5. 7), и не из страха только или каких-нибудь корыстных видов, *но по совести* (Рим. 13,5), по убеждению, что, исполняя их веления *от души*, мы *творим, волю Божию* (Еф. 6, 6), а не человеческую. И вот именно там, где разум и воля человеческие покорны вере Евангельской, — подданные чтут и гражданские законы как святыню, благоговеют пред властью как пред божественным учреждением; а где оскудевает это небесное чувство, где умы, к несчастью общества, заражаются неверием, — там не уважаются и общественные учреждения, там покорность властям кажется тяжким игом, там не может быть общественного благоденствия.

Итак, *повинитесь всякому начальству человеку*, всякой законной и, разумеется, преимущественно верховной власти — *Господа ради!* То есть: повинуйтесь *полным беспрекословным повиновением*, ради Господа всемогущего и правосудного, Который не может оставить не наказанным противления Своему установлению; повинуйтесь *искренно*, ради Господа Сердцеведца, Который не только всякое дело неповиновения, но и всякий жестоковыйный или ропщущий помысл видит и осуждает; повинуйтесь *с надеждою*, ради Господа — премудрого и всеблагого Промыслителя, Который непрестанно бдит над приведением Своего устройства к спасительным для нас целям и Который особенно *сердце царево* имеет в *руце Своей* (Притч., 21, 1); повинуйтесь *с любовью* ради Господа, Которого и славное царство на небесах, и благодатное царство в душах человеческих есть царство любви и Который заповедал нам всю силу души стремиться к тому, *да будет воля Его, яко на небеси, и на земли*, следственно, и в земном царстве.

Вот повиновение, всегда удовлетворительное для власти и всегда блаженное для повинующихся! Поставьте такое повиновение в самое сильное испытание — пусть, например, надобно будет даже собою пожертвовать повиновению, то есть пострадать или умереть за государя и отечество; пусть воздвигнет против сего естественную борьбу естественная любовь к собственной жизни, к благам жизни, ко всему любезному в жизни, — вся брань помыслов, без сомнения, будет низложена, как скоро придет сильное благодатное слово: *Господа ради!* Пожертвуй всем *повиновению Господа ради!* Если сладостно жертвовать для царя и отечества, то не гораздо ли блаженнее жертвовать для Господа? И в сем случае не горько уже оставить и земную жизнь, вместо которой приемлющий сию жертву Господь обещает несравненно блаженнейшую жизнь небесную; не горько оставить и все любезное на земле, потому что оно будет оставлено на руках любви Отца Небесного.

Благочестивые россияне! Изъясняя вам христианское учение о повиновении, думаю, что этим самым я изъяснил и ваши собственные чувствования. Кроткий дух Господа Иисуса, *послушливого даже до смерти* (Флп. 2, 8), да не престанет благодатно одушевлять сердца и жизнь нашу чувством кроткого, совершенного христианского повиновения, и да будет оно нашим непрерывным благодарением благочестивейшему государю нашему, непрестанно для блага нашего подвизающемуся, а вместе да будет благодарственной и благоговейною жертвою нашею Богу Спасителю и Всепромыслителю.

Глава одиннадцатая

Верность службы царю

В верноподданнической присяге нашей мы, пред всевидящим Богом, даем клятвенное обещание верности нашей благочестивейшему самодержцу нашему. И чем более все мы дорожим верностию царю, тем более каждый из нас должен позаботиться о том, чтоб иметь это качество в полной силе и в совершенной чистоте.

Верность наша царю и закону должна быть полная, соблюдаемая всегда и во всем, как в великом, так и в малом, простирающаяся даже до самопожертвования.

О ходе и развитии этой нравственной доблести мы имеем от Сердцеведца Бога следующее глубокое наблюдение и откровение: *верный в моле, и во мнозе верен есть: и неправедный в моле, и во мнозе неправеден есть* (Лк. 16, 10). Не примечают сего недалновидные. Изменить царю и отечеству на войне, расхитить государственное сокровище, осудить невинного на тяжкое наказание — такие и подобные вопиющие неверности против царя, отечества и закона поражают всякого, и потому самая тяжесть преступления входит в число средств, предохраняющих от покушения на оное. Но не делать дел царской службы и пользоваться воздаянием или наградою за службу; ввести виды личной корысти в распоряжение делами и средствами общественными; принять в суде ходатайство вместо доказательства и оправдать неправого — это, говорят, небольшие неточности, не препятствующие верности в делах важнейших. Не обольщайте себя! Эти небольшие неточности не очень малы, особенно же потому, что они беременны большими неверностями. Эта неопасная, по-видимому, неправда в мале ведет за собою пагубную неправду во мнозе. Ибо непреложно слово Спасителя: *неправедный в моле и во мнозе неправеден есть*.

Истину сего объясним видимым примером. Обыкновенно внимательнее и тщательнее берегут одежду еще чистую, нежели получившую пятно, которая потому уже легко обрекается на употребление, подвергающее умножению пятен. Так бывает и с одеждою души, и с совестью содеянного: есть внутреннее побуждение беречь ее, когда она чиста; есть особенное удовольствие в сем хранении; есть особенная для сего сила, поелику к чистому близка благодать Божия, укрепляющая и охраняющая. Но как скоро пало на одежду вознерадевшей души хотя одно пятно неправды, душа уже не имеет такой, как прежде, бодрости, ни так же близкой благодатной помощи к охранению себя от второго и третьего нравственного пятна. При повторении действий неправды чувство нравственное притупляется; око душевное темнеет; глазомер различения между малою и большою неправдою становится меньше и меньше верным; приходит злая привычка. Вот каким образом нравственное направление, попускающее неправду в мале, имеет прямым, свойственным себе исходом неправду во мнозе.

Еще удобнее понять другую половину изречения Христова: *верный в мале и во мнозе верен есть*. Ибо всякая сила, при постоянно повторяемых опытах, переходящих от меньшего к большему, сама собою естественно развивается, возрастает и достигает возможного совершенства. Так и постоянно действующая верность в мале, естественно, наконец, оказывается верностию во мнозе, что особенно видно бывает при обстоятельствах, благоприятствующих ее проявлению.

Важная принадлежность истинной верности есть готовность к самопожертвованию. Кто верен только в пределах собственной безопасности, тот верен вполне только самому себе. Верность, не расположенная к самопожертвованию, становится ничтожною в тех самых случаях, в которых наиболее нужна и была бы благотворна и в которых с особенною светлостью могли бы открыться ее красота и величие. Защищение царя и отечества против воюющего врага, очевидно, невозможно без решительной готовности пожертвовать жизнью за спасение защищаемых. Но и в мирных отношениях внутри отечества верность не обеспечена, если не усилена до

готовности к самопожертвованию. Надобно ли, например, в суде или в начальствовании правого, но немощного защитить от неправого, но сильного соперника или преследователя, — кто может это исполнить? Без сомнения, только тот, кто решился лучше подвергнуться гонению, нежели предать гонимую невинность. Надобно ли пред лицом сильных земли высказать не согласную с их мыслями и желаниями, но спасительную для общества истину, — кто может сделать это? Без сомнения, только тот, кому приятнее пострадать за истину и общее благо, нежели сохранить себя в покое с ущербом блага общественного.

Доблестному подвижнику этой добродетели надлежит всегда содержать в памяти обетование и заповедь Небесного Царя: *буди верен до смерти, и дам ти венец живота* (Апок., 2,10).

Глава двенадцатая

Верноподданническая присяга

Человецы большим кленутся, и всякому их прекословию кончина во извещение клятва есть (Евр., 6,16) Присяга, или клятва, есть именем Божиим утвержденное удостоверение о чистой истине объявляемого, или о верном исполнении обещаемого.

О клятве апостол говорит вообще, что *человецы большим кленутся*, то есть кланутся обыкновенно тем, что выше или важнее человека. При этом апостол мог иметь в виду обычай своего времени клясться не только именем Божиим, но также небом и землею, храмом и алтарем. Все эти образы клятвы, по изъяснению Самого Христа Спасителя, имеют одно истинное значение, по которому прямо или не прямо относятся к Богу, и в Нем, в Его имени имеют свою силу и важность. *Иже кленется церковью, кленется ею и Живущим в ней: и кленыйся небесем, кленется престолом Божиим и Седящим на нем* (Мф. 23, 21. 22).

Как же мы дерзаем в наших уверениях и обещаниях употреблять святое и страшное имя Божие? Позволительно ли такое дерзновение? И в каких случаях позволительно?

Решение этих вопросов мы имеем в словах апостола: *всякому прекословию кончина во извещение клятва есть*, то есть клятва позволительна как крайнее средство удостоверения в тех случаях, когда бывает необходимо устранить сомнение, прекратить прекословие.

Понятно поэтому, что если прекословие или сомнение, встречающееся в сношениях между людьми, не так важно, чтобы требовало чрезвычайных средств для устранения его; или если для этого есть простые, обыкновенные средства, находящиеся в свойствах и обстоятельствах дел и отношений, то в таких случаях и обыкновенное благоразумие не присоветует прибегнуть к чрезвычайному средству удостоверения, и благочестивое чувство не должно позволить клятвы именем Божиим. Хочешь ли, например, чтобы верили твоему слову в разговоре, твоему обещанию в общежитии? Во множестве случаев сего рода, большую часть маловажных, прибегать к клятве было бы сколько дерзновенно, столько же и излишне. Для той степени удостоверения, какая нужна в подобных случаях, есть простые ближайшие средства. Именно: говори всегда правду с точностию и без уклончивости — и твоему простому слову будут верить, как клятве. Не давай обещаний, в удобоисполнимости которых ты не уверен, а данные обещания исполняй неизменно, — и твоему простому обещанию будут верить несомненно. К таким-то случаям относятся и древняя заповедь *не приемли имене Господа Бога твоего всуе* (Исх. 20, 7), и заповедь Христова *не клятися всяко* (Мф. 5, 34), и увещание апостола *не кленитесь ни небом, ни землею, ни иною кою клятвою: буди же вам еже ей, ей, и еже ни, ни: да не в лицемерие впадете* (Иак. 5, 12).

Но есть другого рода случаи, в которых для устранения сомнения и для достижения удостоверения обыкновенные средства недостаточны; а недостижение

удостоверения сопровождалось бы крайним вредом, не только частным, но и общественным. Отсюда происходит необходимость, а от необходимости обязанность — с крайним усилием достигать *кончины во извещение*, прибегать к крайнему средству удостоверения, какое только возможно.

Например, государь и государство требуют от подданных верности вообще и в особенных служениях, должностях и поручениях. В сей верности необходимо нужно твердое удостоверение, потому что без сего не был бы обеспечен общественный порядок и даже не было бы общественной безопасности. Чем же обеспечить верность? Законами? Но чтобы законы имели полную силу и действие, для этого нужна строгая верность в их употреблении; а чем же обеспечить верность в употреблении законов? Не честностию ли, предварительно дознаваемою? Для сего удобнее находить время и способы в необширном кругу частных сношений, нежели в необъятном пространстве государственных отношений. Власть употребляет ближайшие и важнейшие свои орудия, без сомнения, с предварительным испытанием и дознанием, поколику достигает и проникает человеческий ограниченный взор; но можно ли испытанием и дознанием решительно определить честность каждого из тысяч и тем людей, прежде употребления их как орудий государства? Опять возвращается вопрос: чем обеспечить верность? Не честным ли словом? Но честное слово может быть принято обеспечением только из уст человека дознанный честности; а где предварительное дознание честности неудобноисполнимо, там не обеспечивает слово, которое само себя провозглашает честным. Кто не знает, что так называемое честное слово дают и те, которые не обеспечили его исполнения для самих себя и даже не думают о его исполнении! Чем же обеспечить верность? Не страхом ли наказаний? Как неприятно было бы, если б и было возможно, основать общее спокойствие на одном общем страхе. Но это и невозможно; потому что могут быть нарушения верности такие, которых человеческая пронизательность открыть не может и правосудие человеческое не может преследовать. Страх наказания нужен и полезен для обуздания склонных к преступлениям; но недостаточен для образования качества верноподданных. Таким образом, неудовлетворительность более близких и обыкновенных средств к обеспечению верности приводит к чрезвычайному средству: к запечатлению обещаемой верности великим и страшным именем Божиим, дабы каждый так уважал верность, как благоговеет пред Богом; дабы тот, кто вздумал бы дерзновенно коснуться своего обещания, неизбежно встретился с именем Божиим, которое не есть только произносимый звук, но призываемая сила Божия, пронизывающая души, испытующая сердца, благословляющая верных и карающая неверных.

Что сия *кончина во извещение*, сие крайнее средство удостоверения между людьми не есть просто человеческое учреждение или что клятва не есть только изобретение народоправительственного искусства, но что сию опору земного царства приемлет, утверждает и освящает само Небесное Царствие, сие нетрудно усмотреть из того, что клянется и Сам Бог. *Мною Самом кляхся, глаголет Господь* (Быт. 22. 16) Аврааму. И апостол изъясняет сие слово Господне точно как образец Божией клятвы: *Аврааму обетовая Бог, понеже не едином имяше большим клятися, клятся Собою* (Евр. 6, 13). А несомненно, что Бог приемлет в Свои руки (употребляет) только те из земных (человеческих) орудий, которые чисты и достойны неба.

Клятва именем Божиим в верном прохождении общественного служения, или верном исполнении общественного дела, нужна как для удостоверения власти и общества, так и для утверждения самого обещающего верность. Верность не требует ли часто не только самоотвержения, но и самопожертвования? Не встречается ли с искушениями — иногда грубыми, которые, однако, не всегда столь же легко отразить, как легко приметить, иногда с тонкими, в которых можно запутаться почти неприметно? Самонадеянный положится в сем на себя, но едва ли сделает исключение из пророческого суждения, что *всяк человек ложь* (Пс. 115, 2), то есть вне помощи Божией. А имеющий более самопознания не успокоится от сомнения сам о себе, если не прибегнет к Богу и не утвердит в Нем своей надежды. *Верен Господь, в словесех Своих, и преподобный во всех делех Своих* (Пс. 144, 13). Благослови верность моего

слова и преподобие моего дела! Являй мне истину и правду; даруй мне готовность к самопожертвованию за них, твердость, чтобы устоять против приражений сильной неправды, прозорливость, чтобы не запутаться в сетях хитрости или пристрастия! Так свойственно говорить сердцу человека, искренно желающего сохранить верность в служении или деле общественном; так и предписанный законом от дней предков наших образец присяги повелевает говорить: *Господь Бог душевно и телесно мне да поможет!*

Внимательные наблюдатели могут видеть в событиях, как поразительно иногда изреченную в законе Божиим угрозу клятвопреступникам Провидение Божие приводит в исполнение. Вспомним одно древнее событие. Иисус Навин, при взятии первого по вступлении в обетованную землю города Иерихона, все драгоценности его назначил в приношение Богу, а все прочее на истребление мечом и огнем и клятвою обязал весь народ верно исполнить сие определение. Но один из народа, Ахар, не исполнил сего заклатья, усвоив себе тайно неприятельскую одежду, деньги и золотой сосуд. Что же произошло? Победоносный дотоле Израиль пред малым городом Гаем потерпел поражение. Отчего это? Сие изъяснил Сам Бог: *клятва есть в вас*, то есть нарушение клятвы, *не можете стати пред враги вашими, дондеже измете от себе самих клятву* (Нав. 7, 13). И вслед за тем, по повелению Божию, посредством жребия открыт таившийся клятвопреступник и побит камнями, и чрез сие дело правосудия над клятвопреступником возвращены Израилю Божие благоволение и победоносная сила. Какой страшный пример! Одно клятвопреступное дело, один клятвопреступник тяжко вредит целому народу, и только особенная помощь Божия прекращает вред. Суд Божий не коснит обличить и поразить клятвопреступника, против которого не было ни свидетельства, ни доказательства и которого, вероятно, никогда не нашел бы обыкновенный суд человеческий.

Да удалится от нас помысл неверности клятве! А чтоб он вернее был удален, поражайте его, как стрелю, грозным словом Божиим: *не очистит Господь приемлющаго имя Его всуе* (Исх. 20, 7). Если *не очистит Господь приемлющаго имя Его всуе*, то есть напрасно, легкомысленно, без нужды, то чего должен ожидать тот, кто, давая клятву пред Богом, употребил бы имя Божие неблагонамеренно, святотатственно, чтобы его святостию покрыть нечистоту своей неверности? *Погибиши вся глаголющая лжу* (Пс. 5,7), но не прежде ли прочих погибиши, Господи, глаголющая лжу пред именем Твоим и пред лицом Твоим, лжущих, как Анания и Сапфира, не человекам, но Тебе — Богу? Когда апостол Петр обличил Ананию сими точно словами: *не человеком солгал еси, но Богу; слышав Анания словеса сия, под, издше*; а потом и Сапфира после подобного обличения, *паде абие пред ногама его, и издше* (Деян. 5,4. 5,10). Сей пример и многие примеры вне Священной истории показывают, что ложь пред именем Божиим и пред лицом Божиим, ложь клятвопреступления, как бы в нетерпение приводит небесное Правосудие и привлекает грозные и внезапные удары судьбы.

От нарушения клятвы да охраняет нас всегда сие пророческое слово: *Господи, кто обитает в жилище Твоем? Ходяй непорочен и делаяй правду, глаголяй истину в сердив своем, кленыйся, и не отменяйся* (Пс. 14).

Глава тринадцатая

Гражданские обязанности верноподданных

Воздавать кесарева кесареви значит: за благодетельные для подданных действия царской власти воздавать неуклонным исполнением соответственных оным верноподданнических обязанностей.

Царь дает тебе монету, озаменованную его властью, как твердое и удобное орудие для определения достоинства твоей собственности, для производства хозяйственных и торговых оборотов, — воздавай и ты ему определенную долю твоей собственности и этой самой монеты, дабы он имел средства доставлять тебе как сие, так и другие удобства общественной жизни.

Царь дает тебе закон и управление, чтоб в обществе существовал порядок, чтоб права твоего звания были известны и признаны, чтоб собственность твоя была несомненна и личность твоя неприкосновенна постороннему своеволию, — воздавай ему и ты повиновением его закону и управлению и тем облегчай ему подвиг доставления сих благ как тебе, так и всем.

Царь дает тебе суд и правду против обид и несправедных лишений — воздавай, ему и ты твою благонамеренную подсудностию; являйся в суд с правдою, а не с клеветою и лукавством; не позволяй себе самоуправства; будь правдивым свидетелем по требованию суда.

Царь доставляет тебе общественную тишину и безопасность от врагов, непрестанно бодрствуя против духа тревог и браней не только в пределах и на пределах, но и за пределами своей державы, многими трудами образуя, с многотрудными соображениями употребляя воинство и даже сам со своими присными становясь в чин воинов, — воздавай ему и ты, с одной стороны, любовь к тихому и безмолвному житию (1 Тим. 2, 2), а с другой — готовностью принести на защиту общественной безопасности всякую жертву, какую царь и отечество потребовать могут.

Глава четырнадцатая

Судьба царей и царств

Давид, передавая царство сыну своему Соломону, сказал между прочим: *да утверждает Господь еловое, еже рече о мне, глаголя: аще сохранят сынове твои пути своя, еже ходити предо Мною во истине всем сердцем своим, и всею душею своею, — не искоренится тебе муж с престола Израилева* (3 Цар. 2, 4). Вот судьба царя и царского племени, которые в слове Божиим представляются образцом царей и племен царских!

Соломон в свою череду написал: *правда возвышает язык, умаляют же племена греси* (Притч. 14, 34). Вот общая судьба царств и народов!

Нельзя подумать о всеправедном Царе Небесном, чтоб Он, воздавая каждому в отдельности человеку по делам его, не воздавал целым царствам и пародам — по их делам правды или греха, по господствующему в них благочестию или злочестию, по добродетелям или порокам, озаменовывающим свойство того или другого народа, состояние того или другого царства. Даже удобнее представить человека как отдельную личность без воздаяния в настоящей жизни, потому что для человека есть другая жизнь, в которой воздаяние по делам его совершится, — нежели представить царство и народ без воздаяния в земной судьбе их — по правде или грехам царства и народа, ибо как для земных царств и народов нет другого царственного и народного бытия, кроме земного, то не иначе, как в сем их земном бытии, должно совершиться над ними все дело правды Божией. Таким образом, по свойствам Божиим, действующим в Божественном правлении мира, необходимо, чтобы добро или зло в нравственной жизни царства и народа вело за собою добро или зло и в бытии государственном, именно: чтоб *правда*, или добродетель, *возвышала язык*, то есть доставляла благоденствие народу; и чтоб *умаляли*, то есть в низкое и бедственное состояние приводили, *племена греси*.

Что так и бывает на самом деле, это можно видеть в действительном бытии царств и народов, особенно тех и в те времена, в которых и в которые правда или грехи достигают высокой степени силы и действия.

Благословен Бог, Который доныне *правдою возвышал язык наш, россияне!* Сила благодати Его да умалит в нас *уменьшающие племена грехи!*

Глава пятнадцатая

Чем мы могли бы и должны соответствовать, или содействовать, многотрудному, высокому царскому служению

Первое средство к сему преподает нам святая Церковь. Это — молитва за царя. Ибо если, по слову Писания, *много может молитва одного праведного* (Иак. 5, 16), то, конечно, немало может молитва благоверного народа, в котором уповательно Господь имеет не одного праведного, так как для праведных Он и хранит мир.

Но дабы поискать, нет ли еще способа, которым бы подданные, не прикасаясь к делам самодержца, могли споспешествовать облегчению царского бремени, — вообразим, что все подданные жили бы между собою в любви и не делали ничего, кроме добрых дел, — тогда как облегчилось бы дело царево! Не нужно было бы умножать законы, потому что любовь исполняет закон прежде, нежели он написан. Уменьшились бы заботы о порядке и благочинии общественном, потому что *любы не безчинствуют* (1 Кор. 13, 5). Долгий праздник был бы от дел правосудия, потому что недобрые дела дают работу судам. Тогда царь был бы в полном смысле тем, чем представляет его молящаяся Церковь, — *отцем, о чадех веселящимся...* Что ж? Не можем ли мы сами споспешествовать тому, чтобы в царстве все жили в любви, чтоб все подвизались в делании добрых дел? И можем, и должны — по увещанию апостола: *да разумеваем друг друга в поощрении любви и добрых дел* (Евр. 10, 24).

Заключение христианского учения о царской власти и об обязанностях верноподданных

О, если бы все цари земные довольно внимали своему небесному достоинству и к положенным на них чертам образа небесного верно присоединяли требуемые от них — богоподобную правду и благость, небесную недремленность, чистоту мысли, святость намерения и деятельности! О, если бы все народы довольно разумели небесное достоинство царя и устройство земного царства по образу небесному и постоянно ознаменовывали себя чертами того образа, как-то: благоговением и любовью к царю, смиренным послушанием его законам и повелениям, взаимным согласием и единодушием, и удаляли бы от себя все то, чему нет образа на небесах, как-то: превозношение, раздор, своеволие, своекорыстие и всякое зло мысли, намерения и действия!

Тогда все по образу небесному благоустроенное по образу небесному было бы блаженно. Тогда царства земные были бы достойным преддверием Царства Небесного.

Россия! Ты имеешь участие в сем благе паче многих царств и народов. *Держи, еже имаши, да никтоже пришлет венца твоего* (Апок. 3, 11). Сохраняй и продолжай украшать твой светлый венец, непрерывно подвизаясь совершеннее исполнять сии венцедательные заповеди: *Бога бойтеса, царя чтите*.